

A woman with her hair in a long braid, wearing a white, long-sleeved, open-back dress, stands in a field of tall, golden grass. She is looking towards a massive, white dragon with yellow horns and wings. The dragon's mouth is open, showing its tongue and teeth. The background features a blue sky with light clouds and distant mountains.

ОЛОФИНА ЭРМЕС

ИГРА С ДРАКОНОМ

18+

Олофина Эрмес

Игра с драконом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70250626

SelfPub; 2024

Аннотация

В деревне дракона время замирает с приездом очаровательной молодой писательницы. Днем загадочный сосед мечтает овладеть ею, а ночью спасает от опасности. В обличие человека Нигаю ничего не грозит, но звериное нутро выходит наружу когда рядом... Деревенский доктор соперничает за сердце девушки. Осыпает вниманием и заботой. Каждый день он находит новый предлог, чтобы прийти в старый дом на краю села. Дом, где Лана больше не ощущает себя сиротой. Оставив горести жизни позади, она влюбляется. Фантазия юной особы являет во снах обоих мужчин. Как выбрать между человеком и драконом? Желанное тело – излучающее тепло или холоднокровие состоящее из золота. Что делать, если все это есть в одном избраннике, но тянет сразу к двоим?..

Содержание

Глава 1 Родная кровь	4
Глава 2 Деревня	23
Глава 3 Записка	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Олофина Эрмес

Игра с драконом

Самые опасные чудовища живут внутри людей.

Глава 1 Родная кровь

Ненавижу собирать вещи! Вообще, переезды не мой конек. Помню отец с мамой, помимо переезда, сами сделали ремонт в новой квартире. У меня на такое просто не хватило бы смелости. С тех счастливых времен остались лишь воспоминания. Родителей не стало. Я поселилась в этих стенах совсем одна. Тяжело ощущать себя единственным человеком; без семьи, родственников и друзей.

Мама покинула нас, когда я была ребенком. Отец воспитывал меня до подросткового возраста, а потом уехал в лесной дом. Там, они вместе мечтали построить мастерскую. Папа приезжал раз в неделю по выходным и забирал меня к себе. Перед школой заполнял продуктами холодильник. Я жила так до следующих выходных. Сама готовила, убиралась, существовала. Мне хватало соображения никому об этом не говорить. Да и кому сказать, когда наш класс в частной школе состоял из пяти человек, каждый из которых был закрытым в себе интровертом. После школы; уроки до-

ма, подготовка к экзаменам с репетиторами онлайн, а потом книги.

Книги заменили мне все. Я выбирала для себя идеальную семью, представляла, Льва Толстого, в роли дедушки, изучая его биографию. Забавили известные дневники. Не подозревая сходства, еще до знакомства с творчеством автора, я писала почти такие же. Многочисленные блокноты, которые отец покупал по моим просьбам, лежали с первыми исписанными листами, в манере тех самых дневников великого классика. Тогда я возомнила себя писателем, польщенная сходством. На листе бумаги карандашом написала первую идею для сказки.

Когда зачитывалась романами Джей Остин, я мечтала о такой большой семье, какие были описаны на страницах ее книг. Так много сестер было у главной героини, казалось, за такой надежной стеной родных, можно преодолеть все что угодно.

Папа бы гордился, узнав, что я работаю редактором. Недавно я заключила контракт на выпуск книг, с издательством, в которое меня взяли на стажировку после окончания вуза.

Семья быстро оставила меня. Отец пропал после выпускного. Это странное время просто сводило с ума. Переступив через все страхи, я обращалась к волонтерам, просила помощи у немногочисленных соседей по дачам. Все прочесывали лес тем злополучным летом, но отца так и не нашли. Пона-

чалу казалось, что я участвую в квесте и родитель объявится сам. Выйдет по тропинке между деревьев и спросит: «Вы все собрались за грибами? Мне и одному здесь мало!» – в своей шутливой манере. Но прошел месяц, и все попытки снова собрать поиски оказались тщетными. Без следов исчез человек, и никто не мог помочь.

Через время и мой пыл поутих. Придумывая разные варианты событий, намеренно игнорируя все плохое, что могло случиться, я иногда представляла, как папа купил билет в один конец далеко в пустыню, и уехал разводить верблюдов. Так было легче справиться. Забрав его машину я узнала, что внедорожник, как и все остальное имущество, были записаны на меня. Без лишних стараний нужно было продолжать жизнь, насколько это возможно. Машину отца продавать не хотелось, но материальные запасы подходили к концу. Тогда я избавилась от поддержанного корейского седана, который получила в подарок на совершеннолетие.

Небольшой модульный дом на участке в лесу пришлось отключить от отопления, других коммуникаций и, закрыв на все замки просто, оставить. Не было ни сил, ни времени заниматься дачей. Мастерская осталась недостроенной. Желание возвращаться туда и спустя годы не появилось. Я поняла, что родительское гнездо на четвертом этаже, в которое сам папа не заглядывал долгие годы, слишком сильно давит на меня, напоминая каждый день о положении сироты.

Выкидывая ненужный хлам из квартиры мешками, в про-

цессе масштабной генеральной уборки, я одновременно искала варианты квартир ближе к центру, чтобы меньше времени тратить на дорогу в издательство, и больше на свои творческие идеи.

«Легче сказать, чем сделать!» – эта фраза замечательно описывает поиск квартиры, и сбор вещей в коробки для переезда. В свой отпуск я занималась именно этими делами. Разделяла время светового дня надвое и старалась вместить в промежутках хотя бы один прием пищи.

Самым сложным делом оказалось, разобрать огромный ящик документов. Они копились в семье годами. Вещи отца, оставленные им на деревянном столе в доме, также отправились в коробку и пролежали там два года, прежде чем я удосужилась заглянуть внутрь. Маленький клочок бумаги и еле заметная надпись карандашом.

«Лана, у тебя есть бабушка»

Заветные четыре слова заставили сердце колыхнуться. Я чувствовала, как оно замедляется. В ушах появился шум. Ком воспоминаний подкатывал к горлу. Мне было знакомо упоминание бабушки в нашей семье и раньше.

«Но почему лишь на клочке, неужели нет целого письма?» – шептала я, лихорадочно переверачивая все бумаги. Долго, в тот вечер заставляла себя вспомнить, что еще было на деревянном столе. Обложка паспорта забитая банковскими картами, права в специальном отсеке, визитки партнеров отца и основной документ. Стараясь найти хотя бы еще один

ключок ожидаемого письма, я стала листать страницы паспорта и наткнулась на одну интересную деталь. Инициалов матери не было в графе «семейное положение». Ни одного упоминания о женщине, которая меня родила.

«Они не были женаты!» – шептала я в пустоту. От загадочных подробностей по рукам пошли мурашки. В серых спортивных штанах и домашней белой майке я сидела на полу в спальне, когда-то принадлежавшей родителям. Не, выдержав напряжения от бесполезных поисков, я взяла паузу и отправилась на кухню за чашкой кофе.

Привычка пить кофе пришла со студенческих времен. Модная кофейня располагалась напротив главного корпуса. Там за столиком в углу, можно было уединиться и писать диплом столько душе угодно. Главное – не забывать заказывать напитки. Я начинала с латте. Легкий молочный напиток прояснял голову и помогал сконцентрироваться на деле.

Отец, узнав это, купил мне целый набор с ручной кофемолкой, пакетом зерен арабики и кофемашиной. Но та вскоре сломалась. Я продолжала варить кофе дома крайне мудро.

Молоть зерна в ручной кофемолке было порой слишком долго. Тогда я ускорялась. Маленький сундучок с выдвижным ящичком и измельчительной чашей сверху шатался из стороны в сторону, а под конец и вовсе выплевывывал зерна. Иногда задумывалась о своем, переполняя ящик крупинками. Он с трудом вылезал наружу. Два таких коробка во

френч пресс, залить кипятком и оставить настаиваться, потом перемешать. Молоко я грела в маленькой кастрюльке на плите и взбивала погружным блендером до густой пены.

Большой стеклянный стакан с трубочкой, вмещал в себя добрых шестьсот миллилитров и был моим верным спутником в поездках и дома. В тот вечер я вернулась с добычей к разбросанным на полу документам и стала тщательной изучать паспорт отца. Кроме отсутствия сведений о жене была еще одна странность – место рождения: город и село намного южнее от нас, в другой части страны. Это, притом что в средней школе я готовила доклад про родителей. В нем говорилось, что отец родился и вырос в городе, недалеко от нашего района.

«Мой папа – предприниматель!» – гордо заявляла я перед классом, зная все про работу и любимое дело отца – создание дизайнерской мебели. Все по эскизам мамы из старого альбома. Продавалось – будь здоров, и заказы поступали регулярно. На мебельном деле отец сделал состояние, которое вложил в квартиру, дачу и автомобиль. Ну и, конечно... в мое образование и потребности, которые присущи девочке на протяжении всех периодов взросления.

Горячий напиток обжигал рот и приятным ароматом возвращал к реальности. Этот привычный ритуал разделял грань, когда я уходила в глубокие размышления, кофе заканчивался или становился холодным. Забвение должно было прекращаться. Но в тот вечер этого не произошло, и к утру

я уже искала билеты на родину отца.

Дорога до села предстояла не легкая. Пересечь страну на самолете. И это был самый короткий вариант. Затем навигатор на сайте предлагал сесть на электричку. Ну а после, проехать на автобусе. Я горела идеей, и никакие сложности не могли нарушить планы. Утром уже собирала не коробки, а черный чемодан на колесах с ребристой поверхностью. Он также достался в наследство.

Обдумав все по дороге в аэропорт, я вспомнила о возможности на месяц продлить законный отпуск. Именно столько я не отгуляла за два года. Задерживаться на родине отца намерений не было, но на всякий случай, а заодно для продуктивного досуга, я взяла с собой ноутбук.

Первое путешествие на дальнее расстояние вызывало легкий мандраж. Со школой мы посещали множество музеев, ездили на экскурсии, но никогда не уезжали в дальние города и уж точно не ночевали вне дома.

Полет проходил достаточно спокойно. Место выбирать не пришлось. Посадили у прохода, так как билет был куплен наскоро. Почти сразу я заснула из-за бессонной ночи сборов накануне.

Странное чувство овладевало мной. Оно было похоже на страх. Посмотрев в окно, я заметила огромную птицу, которая летела наравне с самолетом. Взгляд ее был наполнен грустью. Птица сопровождала нас, а потом камнем стала падать. Проснувшись от странного сна, я хотела взглянуть в окно,

но сосед по месту, пожилой мужчина, закрыл иллюминатор и крепко спал, облокотившись головой к стене. Тогда я решила, что в следующий раз займу более комфортное место заранее, и буду сама устанавливать хоть какие-то правила в полете.

Оставшееся время я записывала странный сон. С каждым мгновением он превращался в настоящую сказку.

Сказку о странном существе, сосланном в изгнание. Его все боятся и ненавидят за то, что он не такой как остальные. Существу хочется тепла и общения. Встречая каждую железную птицу, он ищет понимания и живую душу, но ничего не находит.

Самолет совершил посадку. Некоторые пассажиры захлопали мастерству пилота, другие молча собирали вещи и в числе первых спешили выйти наружу. В аэропорту улыбающаяся стюардесса ответила, что до деревни, упомянутой мной, ходит прямой автобус. Поездка будет занимать шесть часов, но зато без пересадок. Я, не раздумывая, отдала предпочтение этому варианту.

В автобусе мирно спала всю дорогу на месте у окна. На конечном пункте выяснилось, что в село я добралась нужное, только вот до деревни, указанной в паспорте отца, ехать было еще четверть часа. Духота в воздухе невыносимо давила. Мешало полное непонимание после сна, где я нахожусь и как затащить чемодан в нужный автобус. Первому водителю я назвала деревню. Тот сказал, что все туда едут. В маршру-

те числилось два пункта: село в который привозил большой автобус и та самая деревня. Табличка с маршрутом висела на стекле. Внутри салона было лишь несколько пожилых женщин с пакетами продуктов.

Показалось, что все я сделала зря. Уставшая после долгого пути, я злилась на себя из-за того, что затеяла эту поездку. Сев на ближайшее сидение отсчитала сорок рублей за проезд и отдала их водителю. Так сделала одна из женщин, показав мне пример. Она же громко на весь салон задала самый нелепый вопрос, который я слышала от незнакомцев:

«Ты к кому едешь-то? С таким чемоданом», – ее лицо выражало озабоченность. В конце фразы на нем появилась натянутая улыбка.

Я улыбнулась в ответ проигнорировав вопрос и надела наушники меньше всего, желая вступить в диалог. Музыка включать не хотела, чтобы собрать побольше материала для будущих книг. Каждый необычный человек на пути – это возможно, будущий герой романа, рассказа или, даже повести.

Дамы обсуждали мою одежду. Скромный костюм бежевого цвета в рубчик, со штанами клёш. Под них я надела кожаные тапочки. Они говорили о моем слишком дорогом, по их мнению, чемодане, и постоянно перечисляли фамилии, гадая, с какого все-таки я двора взялась. Назвав меня пигалицей, женщина произнесла еще несколько обидных слов.

Я отодвинула один наушник. Первая дама, заговорившая

со мной, сразу начала шикать на подругу и шептать, как я нагло подслушиваю их. В отместку они решили молчать, пока не узнают, чья гостя приехала.

Автобус высадил нас на небольшой площади и продолжил движение. Мне казалось, что если я спрошу у женщин дорогу к дому, это будет слишком просто чтобы унять их любопытство. Но они быстро удалились, потеряв интерес к моей персоне.

Навигатор в телефоне хоть и с перебоями, но показывал нужное место. Первая прописка отца совпадала с названием села и местом рождения. Я двигалась по проложенному маршруту. Улица за улицей с неровной дорогой не щадили мой чемодан. Когда я миновала все неровности, взору открылось большое поле на краю деревни. Заветная точка дома располагалась на карте, через сто метров. Неуверенно я направлялась к ней вдоль улицы. Рядом стояло два одиноких дома.

Погода была жаркой. Кроме жары, мучил страх:

«Что если бабушки нет? Вдруг ее давно не стало, или она не захочет видеть и слышать меня, или вообще знать. Как появлюсь перед ней, что скажу?» – стоило заранее подумать над этим вопросом. Назад пути не было.

Навстречу с небольшой самодельной скамеечки двигалась худенькая фигура. Мне становилось страшнее с каждым шагом.

«Что если она идет любопытничать, как и те дамы из ав-

тобуса?» – проскальзывал вопрос в мыслях.

Но старушка молча подошла и посмотрела мне в глаза.

«Внученька моя, Ланочка», – сказала она ласково и обняла с трепетом. Всеми фибрами души я чувствовала прикосновения родного человека. В ней была моя плоть и кровь, мое родное сердце. Как же было приятно, что сердце это узнало меня без лишних слов.

Вытирая слезы с щек, мы зашли во двор, минуя высокий зеленый забор. Я чувствовала, что оказалась дома. Не было и намека на неловкость или страх. Все шло своим чередом и успокаивало возбужденный после долгой дороги разум.

Старушка умудрилась проложить мне дорогу по совершенно пустому двору, показывая, где нет ямок и камушков, чтобы чемодан провезти было легче. С трудом я заволокла его в дом по высокому, скрипучему крыльцу и оставив в углу прихожей, присела на небольшую скамейку у стены в холле.

Запах свежего хлеба разносился по всему дому. Бабушка достала его из печи и тут же начала накрывать на стол. Я не понимала, какой намечался прием пищи. Телефон разрядился, на стенах не было часов. Желая распрощаться с грязью, которая налипла невидимым, но достаточно толстым слоем, я попросилась умыться.

– Сейчас баню разведем! – весело произнесла старушка, бросая кухню и уже торопилась выйти из дому.

– Не надо бабушка, не суетитесь, я справлюсь! – сказав это неуверенно, я задумалась, что даже имя старушки не бы-

ло мне известно. Но оттого что я назвала ее бабушкой, родственница растрогалась и села на низенькую скамейку. Когда-то я уже видела это. Воспоминания из детства или сон...

Я взяла полотенце из старинного комода в холле и новый кусок мыла. Все, как велела бабушка. Надев тапочки я пошла в баню.

С отцом на даче мы растапливали печь. Как любопытный ребенок я желала участвовать в этом процессе. Но деревенская баня – это нечто другое.

Маршрут пролегал по узкой тропинке. Белое, длинное здание соседей ровнялось с забором своей стеной. Я жалела, что отказалась от помощи. Грела мысль, как напишу в одной из книг, о своих неловких попытках растопить настоящую баню, в родном доме отца.

Деревянная неокрашенная постройка располагалась в глубине двора. Внутри было темно, лишь на печь попадал свет из маленького окна. Дверцу печи пришлось искать наощупь. Совсем крошечная, чугунная, с ребристой поверхностью, она пряталась у стены. Закинув несколько дровишек, я подожгла спички и бросила внутрь. Сухие дрова сразу сдружились с огнем. Послышался знакомый треск.

Страх ошибиться, запуская в голову, вместе с дымом. Во время сообразив, я открыла заслонку.

Железный таз, наполненный водой уже, стоял на печи. А в предбаннике был настоящий кран.

«Какое удобство, нет света, но зато есть вода», – прошеп-

тала я, снимая с себя одежду. Второй таз стоял на скамье в предбаннике. Я замочила костюм, надеясь, что никто не войдет, застирала ткань куском хозяйственного мыла. Резкий запах дегтя бил в нос, но выбирать не пришлось. Вода пенилась и этого было достаточно. Через несколько минут я думала, куда ее слить. Сожаления, что я затеяла стирку, заставили долго стоять в раздумьях.

Вспомнив, как отец безжалостно заливал двор водой, я приоткрыла дверь и выплеснула мутную жидкость наружу. Полоскать вещи под небольшой струей, было наказанием. Я чувствовала себя никудышной хозяйкой и которая не может постирать вещи.

Руки стали красными от холодной воды. Бросив чистые вещи в пустой таз, я забежала в парную и брызнула несколько капель на камни. Они зашипели, но сильного жара не дали. Вода в тазу уже прогрелась. Быстро я начала обливаться ей, представляя, сколько неловкости буду чувствовать, если старушка, решит прийти за мной.

После дороги вода была настоящим спасением. Вместе с пылью смывались усталость и негатив. Посмотрев в окно, еще раз, я убедилась, что никто не идет, и позволила себе полноценно помыться. Вода нагревалась все быстрее. Волосы скрипели от душистого мыла. Тепла в парной больше не становилось. Дрова уже прогорели.

Я обмоталась полотенцем и вышла на улицу. На дворе по-прежнему стояла жара. На юге осень продолжает лето, в

этом есть своя прелесть.

На веревку неподалеку, я развесила белье и побежала от бани мимо грядок. Рукой надежно держала замотанное полотенце, и уже у забора подняла глаза и чуть было не вскрикнула от испуга.

Большая голова лошади торчала из окна здания. Губами животное пыталось дотянуться до небольшого деревца яблони, которое росло неподалеку. На ветках висели красно-зеленые плоды. Лошадь стала бить копытом, прося угощение. Этот звук я знала с детства, когда после занятий верхом, заводила коня в стойло и брала пакет с морковью. Особо хитрые лошади чувствовали это и дружно начинали бить копытами. Тренер быстро прерывала выступление, ругая меня, что дразню животных из-за своей медлительности.

«Лошадям нельзя стучать копытом, это портит их подковы, и наш пол в конюшне! – говорила женщина с белыми волосами, торчавшими в разные стороны из-под шлема. – Еще раз увижу, будешь менять здесь доски. Либо угощаешь всех, быстро и осторожно, либо незаметно кормишь Марса!» – так звали моего коня.

Я всегда выбирала второе. Не всех лошадей можно было угощать. Некоторые стояли на постое. Хозяева давали запрет на такие вольности. Их редко выводили на прогулки и уж точно не предоставляли на обучение детям. Я все не могла запомнить, кто же из двадцати скакунов под запретом на кормление и проще было угощать одного Марса. За работу,

которую конь всегда выполнял на двести процентов, за меня и за себя.

Уроки верховой езды мне давались непросто. Сначала не понимала, как это не вставать на стремя, как держаться внутренней частью бедра и скакать рысью. Тело все время уводило вперед и несколько раз я чуть не слетала. Единственное, что получалось хорошо – это правильно держать поводья, за что тренер не жалела похвалы.

Я протянула сорванное яблоко лошади, через окно видно было только голову. Пока она хрустело угощением, я погладила коричневую голову с белым пятном на носу.

Неподалеку послышался хруст веток. Стоя в одном коротком полотенце, я запаниковала. На соседском участке и слышались другие звуки. Не испытывая судьбы, я побежала к дому, крепче держа полотенце. Лошадь снова начала бить копытом, как только заметила, что я отдаляюсь. Но на этот раз помочь я ей не могла.

В прихожей, открыв чемодан, я нащупала нужный пакет, где были чистые вещи. Бабушка спросила: «Как баня?» – и проводила меня до комнаты, которую с гордостью именовала моей.

«Баня у вас самая лучшая, настоящая!» – я не жалела похвалы, стараясь обрадовать старушку.

Небольшая спальня с периной, застеленной чистым бельем и накрахмаленной наволочкой на подушке. Рядом с ней стоял резной сундук. Изголовье кровати было у самого окна,

а возле противоположной стены расположился старый деревянный шкаф. Я вспомнила, что была здесь раньше.

«Отец открыл шкаф и радостный достал духи в голубом флаконе. Он обрызгал сначала себя, а потом пустил струю в мою сторону. Тогда я не успела зажмуриться и почувствовала резь в глазах. Полились слезы. Бабушка умывала мне лицо над раковиной своей шершавой ладонью. Ее звали Анной».

«Я помню! – произнесла я вслух. На лице старушки показалась улыбка. Она расхохоталась и продолжила историю. Мы обе радовались общим воспоминаниям. – Анна, спасибо, что приняла меня без лишних слов!» – сказала я, когда старушка уже удалилась. Она смахивала слезы. Воспоминания били ключом. Мне не хотелось оставлять ее одну.

Синий сарафан в цветок с длинным подолом, был выбран, чтобы не смущать бабушку и ее соседей. За годы, мой гардероб набился короткими юбками, открытыми топами, привычными для молодежи. На работе за дресскодом не следили. Этим женский коллектив был по душе.

В небольшой гостиной, через которую вел проход, стоял диван у стены и деревянный круглый стол у окна. На нем расположился стационарный телефон, каких я не видела уже полжизни, и небольшая ваза с веточкой белой гортензии. В доме пахло побелкой, хотя он был деревянным. Стены поверх обоев покрашены слоем краски. Только уголки под плинтусом выдавали прошлый желтый цвет с коричневым узором.

Долго за столом на кухне мы разговаривали с бабушкой. Она спрашивала об отце:

– Он рассказывал тебе про меня? – заглядывала Анна в лицо, стараясь отыскать в нем ответ. – Как он там поживает?

Смотря в ее чистые синие глаза, усыпанные в уголках морщинками, старый платок на голове, белые волосы и на то, как она, все время поправляла платочек в рукаве на запястье, я не осмелилась рассказать правду. Когда повисла тишина, я спросила про соседскую лошадь.

– Вон видишь яблоньки. Это я для нее посадила. Сама яблоки не ем. Зубы уже не те. Сорт под ее имя выбирали. Сосед привез, – Анна указала в окно. Лошади уже не было видно.

– Как ее зовут? – мне хотелось знать. Называешь имя, и уже считай друг лошади.

– Карамель, – гордо ответила бабушка. Она начала собираться, заворачивая свежую буханку хлеба в бумагу. – Ты ешь, а я к подруге за молоком схожу, да навещу ее. У нас традиция такая.

В душе теплилась надежда, что ее подругой не окажется одна из женщин с автобуса.

На небольшой кухне, среди ароматов свежего хлеба я осталась одна. Голод одолевал. Я накинулась на еду. На столе было изобилие: глазунья из двух яиц посыпанная мелко нарезанным зеленым луком, воши с грядки, свежий хлеб, масло, зелень. Сделав глоток молока из кружки, я поняла, что

воспоминания повторяются.

Кухня с высоким порогом, располагалась ниже основного дома. Здесь всегда горела печь и пахло ароматным хлебом. Стол со старой скатертью в клеточку, местами в пятнах. Бабушка ловко прикрывала их тарелками. Молоко с хлебом, хоть во дворе и не было коровы и другого скота, казалось парным, густым и жирным, совсем не похожим на городское. Отведав все, что было на столе, я с интересом пошла на тайную экскурсию по дому.

Поднялась на порог с кухни и слева заметила тот самый туалет. Бабушка над раковиной смывала папины духи с моего лица. Голубые стены и небольшое зеркало над раковиной. Все осталось таким же. Уже знакомый холл с комодом, столом у окна и диваном, накрытым вязанным красным пледом. Справа дверь вела в выделенную мне комнату отца. Слева дверной проем открывал зал. Старый телевизор расположился в центре комнаты и не менял свое место уже двадцать лет.

Я вспомнила, как отец уложил меня спать, на кровать, которая стояла справа у стены. Высокая перина в зале.

– Раньше здесь жил твой дед. Это было очень давно! – прозвучал голос бабушки из-за спины. Я не слышала, как она вошла и сделала шаг назад от проема, стыдясь своего любопытства.

– Помню, как отец придвинул тот столик и накидал сверху тулупов. Ночью, я все равно скатилась на пол. Он смотрел

телевизор и не спал. А я легла рядом, вот здесь, и заснула, – присев на ковер я мысленно вернулась на десятки лет назад, в ту самую ночь.

Белые кружевные занавески на окнах уже не казались такими белыми как раньше, ковер на деревянном полу в некоторых местах был растрепан, а возле края и вовсе виднелся обожжённый след.

– Это я прожгла? Припоминаю, как игралась с утюгом, ставила на печку ради забавы, – было приятно, что след от меня в этом доме, до сих пор остался на месте.

– Ну а кто же еще рвался гладить ковер? – сказала Анна и хрипя засмеялась.

В этих воспоминаниях была одна странность. В них не было мамы. Ни когда я прожигала ковер, ни в момент падения во сне с кровати, даже во время питья молока, она не была рядом.

– А помнишь, как мы на речку ходили? – бабушка с надеждой в глазах пыталась подкинуть мне воспоминания.

– Здесь есть река? – этой картинке не всплывало в памяти.

– Конечно, есть! Пойдем завтра и прогуляемся, – предложение бабушки было волнующим. Хотелось, чтобы там, в воспоминаниях оказалась мама.

Глава 2 Деревня

Утром после завтрака, предвкушая нашу прогулку, я занесла чемодан в комнату. Раскладывать вещи, собранные в эмоциональном помутнении, было настоящим разочарованием. Я понимала, сколько ненужного взяла в поездку. Время назад было не вернуть. Чемодан удобно помещался на сундук возле кровати. В комнате отца почти не было места. Узкий проход, и только.

В чем идти на речку я долго не раздумывала. Осенью уже не до купаний, только если помочить ноги. Выбор пал на кожаные летние тапочки, и то самое платье в цветок.

На улице солнце пекло чуть меньше. Упрямая лошадь снова пыталась дотянуться до маленькой яблони. Я подошла к ней и, уже не боясь, погладила. Не дожидаясь пока, она начнет выпрашивать яблоко, сорвала самое красивое с верхушки и протянула его на открытой ладони. Карамель откусила половину и демонстративно стала его разжевывать. За ней в стойле послышались голоса мужчин. После пробежек по двору, почти в неглиже, я в страхе бросив вторую половину яблока на траву, убежала к воротам, где осталась ждать бабушку.

Анна вышла через несколько минут. Ускоряясь я потащила ее по тропинке через поле, о которой она говорила. Лишь бы не опозориться. Было неизвестно, кто живет по соседству

и что эти люди успели увидеть прошлым днем.

«На дикий пляж никто не ходит. Все оккупировали другой. Рыбаки, и местные обустроили его под себя. Там делать нечего!» – рассказывала Анна, вступая по узкой тропе.

Я шла точно за ней. Бабушка была ниже меня на голову. На ногах ее болтались калоши. Поверх коричневых колгот из хлопка, черная юбка ниже колен. Синяя кофта, с длинным рукавом. Скромный платок с металлизированной нитью завязан на голове. Он слабо скрывал седые волосы. Меня удивляло то, что бабушка совсем не чувствовала жару. Старушка шла довольно быстро. Я поспевала за ней. Когда мы спустились с холма, взору открылась вся красота местной природы.

Минуя поле, мы оказались на диком пляже. Подход к берегу был огорожен огромными валунами. Скалы охраняли воду от недоброжелателей. В начале, у кал, расположилась небольшая скамейка. Бабушка присела на нее.

Конь стоял в воде недалеко от скал и жевал траву. Зеленые кустики выросли на небольшом куске почвы. Животное разбавляло всю безжизненную, каменную атмосферу. Шерсть коня была темнее, чем у любительницы яблок, и не единого белого пятна.

– Как он убежал один так далеко? – я с интересом задала вопрос.

– Это соседский конь. Опять вырвался со двора. Он сюда заходит, воды попить, да травки пощипать, – Анна сказала это как ни в чем не бывало достала платок из своего ру-

кава и протерла глаза.

Воспоминания о реке и о диком пляже так и не появились в моей памяти. Ничего, словно я и не была здесь никогда. Мы сидели на лавке и смотрели на бурное течение вдали и на спокойные волны, которые омывали каменистый берег. Казалось, что я буду приходить сюда каждый день.

Конь странно себя вел. Он направлялся то вправо, то влево, но не мог уйти с места. Когда он занервничал, стало ясно, что поводья зацепились о ветку.

– Пойду отвяжу его, – произнесла я, чувствуя своим долгом помочь животному.

– Иди внученька помоги ему. Конь хороший, соседский. Не припомню, как его зовут. Совсем старая стала! – бабушка еще долго причитала про свой возраст. Пробираясь по камням, в совсем длинном платье, я старалась не споткнуться и не повторить участь коня. Ветки валялись повсюду. Иногда встречались коряги. Острые камни были разбросаны, предупреждая о том, что пляж дикий и опасный.

Я вступила в воду и осторожно показала себя, чтобы не напугать животное. Холодная вода сковывала движения. Аккуратно проведя рукой по гриве, я взялась за поводья и потянула их на себя. Реакции не последовало. Они крепко намотались на ветку. В попытках сломать ее я продолжала гладить коня уже за гриву, чтобы тот не пугался.

Звук мотоцикла нарушил всю идиллию. Конь попытался встать на дыбы от страха, дернулся. Оступившись, я со-

скользнула с камней и ногой угодила во что-то острое. Почти не чувствуя боли от холода, я видела, как краснеет вода вокруг ноги. План был прост и появился в голове за секунды: главное – не подавать вида.

Я повернулась к Анне лицом, помахала и крикнула, что все хорошо. Но бабушка уже не сидела на скамейке. Под руку ее вел пожилой человек. В мою сторону направлялся мужчина моложе в черных штанах и белой кофте. Все вокруг расплывалось. Старушка махала мне в ответ и кричала:

«Меня отвезут домой».

Такой исход меня обрадовал. Анна не была в курсе произошедшего, а главное, не видела крови. У меня оставалась возможность рассмотреть приближающегося мужчину.

Высокий, накаченный с короткими, светлыми волосами. Глаза были вроде карие и одновременно зеленые. Мне стало дурно, когда я увидела потемневшее пятно в воде. Незнакомец тоже посмотрел вниз. Не сказав ни слова, он поднял меня на руки и понес в сторону маленькой скамейки. Поводья так и остались запутаны в кустах. Я чувствовала себя странно в руках у мужчины, провожая глазами силуэт бабушки. Она все отдалялась в люльке старого мотоцикла. Хотелось избежать ее оглядки, чтобы уязвимое положение не попало старушке на глаза. Ругая себя за неаккуратность, чувствовала, как нарастает боль от раны. Весь ужас предстал перед глазами. Сбоку из ноги торчала ракушка.

– Вот кто бегает в одном полотенце по двору соседки, –

неожиданно сказал мужчина. А потом добавил чуть тише. – Вы, кажется, шли из бани! – голос его был нежным и чувственным. Приоткрыв губы от удивления, я не знала, что ответить. Лишь смотрела в темные глаза, напоминающие что-то из далекого прошлого.

– Не стыдно подглядывать за девушкой? – решительно ответила я, игнорируя боль, которая туманила разум. Паника охватывала с ног до головы. Но его прикосновения возвращали к реальности. Грубо схватив подол платья, незнакомец разорвал ткань. Я запротестовала, оплакивая новый льняной наряд.

Нахал лишь сухо ответил:

– Это прекрасно.

– Прекрасно! – вторила я. – Можно действовать менее варварскими методами? – злость выводила меня из себя. Парень, впечатляющий на первый взгляд, был груб и резок со мной в такой уязвимый момент. Как бы я ни хотела встать и уйти прочь, не могла этого сделать с торчащей из ноги околелостью известняка.

Действия его смягчились, руками обхватив ногу, мужчина вдруг сказал:

– Простите! – смотря мне в глаза, он приподнял одну бровь и замер на мгновение.

– За что извиняетесь? – в моменте, почувствовав резкую боль. Мужчина вытащил ракушку из ноги и стал осматривать рану.

Тошнота взялась ниоткуда. В глазах темнело. Боль стихала от нового выплеска адреналина в крови. Крепко затянув кусок ткани, незнакомец обхватил меня за талию и придвинул к себе. Это привело меня в чувства, хоть и ненадолго. Парень был завораживающе красив. Ровные скулы, широкие плечи, выглядывающие из-за надорванной кофты. Рукава, закатанные до локтей. Ладони в моей крови.

– Ты в порядке? – спросил он, встав рядом. Я была не в порядке, но утвердительно махнула головой. Рядом с ним я чувствовала себя иначе. Еще никто не привлекал мое внимание настолько. Мужской запах с нотами табака, хвои и дыма действовал дурманяще. Его фигура, отдаляющаяся к реке. То, как он мыл в воде руки, отмывая кровь. Как ловко распутал поводья и забирал коня.

Мужчина вернулся ко мне.

– Сможешь залезть на него? – вопрос этот не застал меня врасплох. Медленно встав на скамью здоровой ногой, я подобрала подол и, перемахнув раненой, тотчас, оказалась верхом. – Ничего себе! – воскликнул он, обходя жеребца. – Значит, ты умелая наездница. – он собрал мои туфли. Мы двинулись в путь медленно, давая возможность коню осторожно вступать по камням.

– Когда мы перешли на «ты»? – чувствуя странное головокружение, я старалась продолжить разговор. Лишь бы не опозориться и не упасть с коня, потеряв сознание.

– Ну, допустим, когда я проделал операцию по извлече-

нию вот этой ракушки из твоей ноги, – сосед протянул трофей. Я поморщилась. Недолго думая он убрал ракушку обратно в карман.

– Принимается. Спасибо за оказанную первую помощь! – я подняла ногу. Маленькое пятно на повязке не увеличивалось.

Чтобы не потерять сознание надо было о чем-то говорить. Показалось, хорошо начать со знакомства. – Значит, ты сосед! В конюшне есть Карамель и этот жеребец?

– Его имя Базилик, – тут же ответил мужчина.

– Отлично! Базилик и Карамель. Достойное сочетание, – меня смешила его фантазия. – А твое имя?

– Нигай. Про внучку Лану я уже наслышан, – сказал он улыбаясь. – Не ошибся ведь? – я лишь кивнула в ответ.

Позади от нас, послышался громкий резкий звук. Из-за холма показались мотоциклы. Конь резко встал на дыбы. Вцепившись одной рукой в его густую гриву, я удержалась и обхватила шею скакуна.

Сосед привел коня в чувства. Он наговаривал что-то ему на ухо, а потом велел мне подвинуться вперед. Одним взмахом Нигай оказался позади меня и заставил скакать коня рысью. Я чувствовала мощный прилив адреналина. Прикосновения соседа сзади лишали возможности дышать. Нигай обхватывал меня всем телом, стараясь контролировать коня поводьями.

Ездить верхом без седла, еще и вдвоем – это безумие, под-

властное немногим. Мы справились со этой задачей и оторвались от местной молодежи, рассекающей по грязи в глубине поля. Бабушка упомянула их, когда говорила про пляж, но я не понимала, что за «банду дребезжалок» она имела в виду.

Уже возле ворот дома сосед приблизился ко мне сильнее. Мгновение я чувствовала дыхание на шее. Нигай ловко спрыгнул на землю и открыл ворота. Словно меня и не было на коне, хозяин завел Базилика во двор и привязал к старой яблоне. Чувство беспомощности снова одолевало. В этот раз я желала дожидаться помощи от мужчины.

Нигай, широкоплечий и мужественный, подошел к коню ближе и протянул руки, чтобы взять меня. Я перемахнула ногу и довольная поддалась в его объятия. Он не спешил отпускать меня на землю. Голову с большей силой дурманил его аромат. Мужчина отнес меня в свой дом. Не успев возразить, я оказалась на кожаной софе в гостиной. Пока мыл руки, я не сводила глаз с татуировок на его шее.

«Красавчик живет в деревне, наверняка по нему сохнут все местные девушки. А может быть он ловелас из города, и только иногда приезжает навестить хозяйство, а за домом следит кто-то из семьи?» – меня терзало любопытство. Также удивляло приятное возбуждение, которое я ощущала в компании соседа.

Нигай подошел ко мне и поставил одно колено на сиденье рядом, наклоняясь так близко, что я снова почувствова-

ла на себе его дыхание. Ощущала, как рукой парень упирается в спинку софы и, кажется, тогда сделала большую ошибку. Подняв голову я посмотрела в его глаза. Длинная пауза, его аромат в легких. Поцелуй. Не знаю, как объяснить тот порыв. Я поцеловала его со всей нежностью, что копилась долгое время.

Мой первый поцелуй. Его реакция. Салфетки, за которыми он тянулся, разлетелись рядом, медленно приземляясь на пол. Заметив это, я осознала глупость своего поступка. Борясь с желанием неумело отвечала на его страсть, выходящую наружу. Я хотела одного: удобного случая чтобы сбежать. Здесь я была все так же бессильна, но уже не из-за раненой ноги. Виной тому стало помутнение чувствами, впервые в жизни.

Много лет страдала, сначала от потери матери, затем пропажа отца. Стресс этот не позволял расслабиться, почувствовать то, что чувствуют многие девушки и парни. Влюбиться и отключить разум.

С улицы послышался крик мужчины и наши страстные поцелуи прервались. Одновременное облегчение и разочарование. Тело жаждало продолжение, но разум трезво расставил все на свои места. Нигай оторвался от меня и вышел из дома. Там возле дверей ждал пожилой мужчина, который отвозил бабушку с дикого пляжа.

– Анна уже обыскалась внучку! – сказал он, стараясь заглянуть внутрь через окно. Приведя себя в порядок, я сидела

на диване, как нив, чем не бывало.

– У девушки порез в ноге. Как только обработаю рану, доставлю домой по-соседски! – ответил Нигай и проводил гостя.

С трепетом я ждала возвращения парня, и не понимала, как избавиться от неловкости. Успев обвинить себя во всех смертных грехах и в том, что не успела найти время на практику в общении с парнями, я вспомнила, как выгляжу. Это придавало уверенности. Длинные волосы с неровной стрижкой и короткими локонами по бокам лица. Веснушки от солнца, светлая кожа, густые ресницы доставшиеся от отца и пухлые губы как у мамы. Я не жаловалась и любила добавить румян в свой образ.

Мне не хотелось внимания сверстников и парней. Закрытость не позволяла распоряжаться такими желаниями.

Сосед вернулся, он словно не замечал никакой неловкости, наоборот. Улыбнулся, показав ровный оскал и смеясь произнес:

«Где у нас была аптечка? – он бормотал себе под нос что-то невнятное, пока искал бинты и лекарства. А когда нашел, снова помыл руки, на этот раз вытер их полотенце и, посмотрев на меня, подмигнул. Сев на колени передо мной, он взял ногу и снял повязку. – Сейчас будет больно!» – струя из тюбика брызнула в рану.

Его предупреждения оправдались. Большое количество пены от антисептика. Желание кричать от резкой пронзаю-

щей боли. Я закрыла глаза и терпела, за что в конце получила короткий поцелуй. Нигай ловко подхватил меня на руки и вынес наружу с перебинтованной ногой. По дороге до дома бабушки были споры, что лучше зайти в дом на ногах и не пугать Анну. Сосед был настроен решительно. Он занес меня на крыльцо, сам открыл входную дверь и замер на месте.

– Я же говорила, что с ней что-то случилось. Нога перевязана! – воскликнула Анна, хватаясь за лицо руками. – Хорошо что вы не ушли, доктор.

– Действительно! – воскликнул незнакомец и привстал с дивана. Его лицо было озадачено. Глаза изучали меня. Черные брюки и белый халат подтверждали слова бабушки о его профессии. Густая копна волос, очки, миловидное лицо и высокий рост как у соседа. – Нигай, можешь, посадишь девушку на диван? Мне нужно осмотреть ногу, – сказал он, уступая дорогу. Ничего не происходило. Я чувствовала, как сердце моего спасителя начинало биться сильнее.

– Позволь мне встать и дойти самóй! – вмешалась я. Попытки освободиться из оков были напрасными.

Заметив, как бабушка гладит его по плечу, и просит посадить меня на скамью рядом с ней, я подхватила ее слова. Сосед, услышав это, пришел в чувства.

Снова он сидел передо мной на одном колене. Стало неловко перед старушкой. Доктора я не знала. Что подумает она, моя душа, о нас, обо мне...

Мужчина в халате не растерялся, взял небольшой стуль-

чик неподалеку и, сев рядом стал внимательно наблюдать за тем, как Нигай разматывал бинты. Мягкие руки соседа с выступающими венами поверх больших кистей, с осторожностью убирали моток за мотком.

– Это шутка? – произнес вдруг доктор с озадаченным видом, уставившись на рану. – Залил такой порез перекисью! Ты хоть понимаешь, как ей было больно? – он нагнетал и устаивал скандал на пустом месте. Я волновалась за бабушку, стараясь отыскать ее взгляд за спинами мужчин.

– Мне ничуть не было больно! – отшутилась я, смотря в глаза старушке. – Вы преувеличиваете, доктор! Зачем пугать бабушку, когда со мной все в порядке? – пронзив его взглядом, я стала улыбаться Анне, чтобы успокоить ее переживания. Но она поддалась вперед, желая увидеть рану. – Пожалуйста, принеси мне воды, так пересохло в горле, – всеми силами я старалась не подпустить ее к ране. Когда Анна направилась в сторону кухни. Доктор перехватил мою ногу на себя. Я стала толкать руками соседа в грудь и громко сказала: – Нигай тебе поможет! – тот нехотя встал, поднял брови и, разведя руки в стороны, поплелся за старушкой.

Слова подходящие, чтобы объяснить доктору, как нужно вести себя, и не пугать пожилого человека, не приехали на ум. Я следила за тем, как Анна удалялась на кухню. Сосед не сводил взгляда с рук доктора. Тот внимательно осматривал рану и прощупывал пальцами место возле нее.

Анна не успела сделать и шагу на порог кухни, как в дверь

постучали. Пожилой мужчина, владелец мотоцикла, заглянул в дом и позвал бабушку на пару слов. Нигай уже через мгновение вернулся к нам с наполненным стаканом воды.

– Потребуется перевязки. Я закажу необходимую мазь и буду приходить каждый день, – сообщил доктор. – Тем более, мне нужно ставить уколы Анне еще целую неделю.

– Зачем? Что с бабушкой? – меня озадачили его слова.

– Ей уже далеко за семьдесят. Мы делаем уколы витаминов и лекарств для укрепления сосудов каждую осень, – ответил доктор как ни в чем не бывало и махнул своей густой копной.

Нигай осторожно взял мою ногу и поставил на скамью, заставив меня повернуться.

– Встань, выйдем на улицу, – произнес он, обращаясь к доктору. Мы все услышали голос Анны в дверях дома.

Пока старушка не заметила раны, я накрыла ногу повязкой и стала заматывать бинтом. Мужчины громко разговаривали у двери. Я радовалась, что Анна, была занята поисками чего-то важного в своей комнате. Попрыгав на одной ноге до зала, я спросила бабушку:

– Что происходит между соседом и доктором?

– Не знаю, внучка, – меня насторожила эта фраза не меньше странного безразличия от старушки. До того момента, пока Анна не выбежала с деньгами в руках из комнаты.

– Сейчас Михаил, сосед наш давний по улице, съездит в город и купит самое лучшее средство – шкуру медведя с жи-

ром. Она от всего помогает. Чудодейственная! Переломы лечит даже и раны открытые. Все так делают. Будем надеяться, что она еще продается! – энтузиазм старушки пугал меня. Еще больше настораживала мысль, как к открытой ране будут прикладывать грязную шкуру и жир медведя.

– Нельзя бабушка! Доктор сказал, нельзя! – соврала я, держа старушку за плечи обеими руками. В это время мужчины уже зашли в дом. – Сначала доктор тоже сказал, что шкура медведя помогает от всего, – врала я ради спасения. – Но потом, как узнал, что сосед залил рану сильным раствором, сразу понял – нельзя этой шкурой лечить! – мужчины смотрели на меня с удивлением. Все внимание бабушки было устремлено на доктора. Я ликовала от того, как смогла ловко выкрутиться из этой ситуации, и надеялась, что мне подыграют.

– Саша, это правда? – в голосе Анны слышалось разочарование.

– Конечно! Никаких шкур! Вы что хотите, чтобы девушка лишилась ноги? – доктор переиграл, и сам вызвал гнев старушки.

– Да тьфу на тебя! Говоришь такие вещи! Совсем голову потерял? – кричала Анна.

– Вы не меня ругайте, а соседа! – выкрутился доктор и стал собирать чемодан. – Если бы не он... может, и помогла бы шкура медведя, кто знает! – этот хитрец был непобедим. – Так что буду заходить каждый день после работы, де-

лать уколы вам и обрабатывать рану внучке! Имя вашей красавицы так и не узнал, – эти хитрые серые глаза настораживали меня все больше. Бабушка произнесла мое имя и сразу направилась обратно в спальню, прятать свои запасы.

Мужчины еще долго спорили о чем-то за воротами. Наблюдая из окна, я заметила взгляд Нигая, направленный в мою сторону. Я спряталась, присев на диван и выдохнула.

Бабушка легла спать рано, приняв успокоительные сразу после ужина. Мне не терпелось поблагодарить соседа и не без повода прийти к нему домой. Там возле кожаного дивана остались мои тапочки.

До колен обрезав сарафан, который был разорван и пущен на бинты, я накинула джинсовую куртку отца из шкафа и еще долго сидела на крыльце, борясь со страхом. Словно намерения пойти во двор к соседу, вынуждали меня добровольно пожертвовать собой. Наконец, пообещав себе не позволять лишнего и делать только то, чего хочу, я медленно шла по двору, наступая лишь на носок пострадавшей ноги.

Ворота соседа оказались приоткрытыми, что существенно облегчило мне задачу. Хозяина во дворе не оказалось. В амбаре горел свет. Базилик по-прежнему стоял привязанный к дереву. Доковыляв до конюшни, я негромко позвала, но соседа не оказалось и там. Внутри пахло свежим сеном. Одинокая лошадь стояла в том самом стойле, окно которого выходило во двор бабушки. При виде меня Карамель начала бить копытом.

– Тихо, пожалуйста. Не надо! У меня нет ни одного яблока, – я демонстрировала лошади руки и объясняла в каком мы с ней находимся положении, как вдруг она резко умолкла.

В воротах конюшни стоял Нигай. От его тела шел пар. Открытый торс, грудь и рукава в татуировках, рельеф на животе и странный взгляд, словно глаза стали еще темнее. Брюки были натянуты не полностью. В руке белое полотенце.

Нигай медленно направлялся ко мне, а когда достиг расстояния вытянутой руки, скинул свое полотенце на стенку стойла и сделал еще один шаг. Он поцеловал меня. Это было неожиданно. Его близость побуждала меня стоять неподвижно, боясь повторить неловкость. Я ощущала его дыхание на виске. Поцелуй возле уха, заставил прикрыть глаза. В то мгновение я чувствовала слабость, приятную дрожь и свежий аромат бани. Желание окутывало разум и заставляло подчиняться чувствам уже во второй раз. Не отстраняясь ни на минуту, Нигай, обхватив за талию руками одним движением, поднял меня.

Мысли уносили в преисподнюю. Мне хотелось по-настоящему быть с ним, ощущать близость тела, касаться мужественной шеи и волос, которые приятными покалываниями ощущались на ладонях. Ноги обхватывали его талию. Руки обвили шею. Он усадил меня прочь на широкую перекладину стойла. Медленное проникновение языка вызвало сильный жар. Хозяин уже скользил пальцами по бедрам. Корот-

кий подол платья не препятствовал проникновению. Каждое его движение я представляла в мыслях.

Отрываться друг от друга не входило в наши планы. Звуки выстрелов за воротами, заставили сжаться в испуге и спрыгнуть на землю. Я почувствовала сильную боль. Нигай серьезным тоном попросил остаться. Сам побежал к воротам.

«Какой безумец идет туда, где слышны выстрелы?» – думала я, стараясь облокотиться через боль на ногу. Страх за соседа буквально лишал меня рассудка. Медленно я двигалась вперед. Конь встал на дыбы от испуга. Казалось, что он привязан надежно, хотя на нем был лишь недоуздок.

Ворота распахнулись от сильного ветра. Базилик снова встал на дыбы. Его подруга неожиданно вырвалась из стойла и помчалась прочь со двора, не обращая внимания на мои крики.

Случайно, мы открыли задвижку ее стойла. В тот момент казалось, что все потерянно. Лошадь бежала на верную смерть. Туда где выстрелы и опасность неминуемо поджидали ее. Ринувшись следом, я наступала на раненую ногу и морщась от боли, кричала:

«Карамель, вернись! Карамель, вернись домой», – будто не знала других слов.

Что-то мешало выйти за ворота, хотя вокруг не было никого. Лишь редкие фонари горели вдоль улицы, и темное поле навеивало ужас. После очередного выкрика, позади меня послышался топот. Базилик отвязался и бежал к распахну-

тым воротам вслед за своей подружкой. Недолго думая я перегородила путь и расставила руки, останавливая коня. Он снова встал на дыбы.

Я, испугалась, сделала шаг назад и рухнула на землю. Базилик убежал в темное поле, не оставляя за собой следов. Ощущения были паршивые. Так подвести соседа, упустить двоих лошадей и остаться в пустом дворе.

Вспомнив о большей ответственности, я поковыляла к дому бабушки, наступая на ногу увереннее, забыв о боли.

«Хоть бы с Анной все было в порядке».

Глава 3 Записка

Дома было тихо. Бабушка сидела напротив телевизора в мягком кресле и крепко спала. Вот чем награждается любовь к старой технике: звук на полную и неслышно, что там происходит на улице, а когда картинку перебивают помехи, белый шум действует усыпляюще. Хотелось лечь на перину, стоявшую рядышком, как в детстве, и ни о чем не думать, только тихо заснуть. Странности, происходящие за окном, не позволяли забытья.

Огни мелькали возле поля. С гостиной было не рассмотреть их. Дойдя до спальни, я облокотилась на железную спинку кровати и привстала коленом на доску подоконника.

Толпа передвигалась по полю с горящими факелами. Чтобы не значило это позднее сборище, оно навеивало страх глубоко внутри.

«Как в обычной деревне может происходить подобное?» – шептала я в тишину. Страшнее всего было неведение того, что нес за собой этот поход. В одно мгновение, словно порыв ветра задул все факелы. Своими глазами я видела большое черное облако, отбрасывающее тень на землю, куда еще прокрадывался свет от уличных фонарей.

Чтобы лучше рассмотреть всю полноту картины, и разбегающихся людей я облокотилась на подоконник рукой. П слышался хруст. Дерево не выдержало и разломилось на две

части, одна из которых полетела на пол.

«Кто меня дернул залезть на него» – возмущалась я, когда шум раздался на весь дом. Слыша, как бабушка встала со скрипучего кресла, я быстро подняла деревяшку и поставила обратно. Это был настоящий тайник. Подоконник встал на место как влитой. На полу лежал выпавший листок.

Анна медленно перебиралась из мягкого кресла в свою кровать, слышался скрип каждой пружины. Выдохнув я подняла лист и прошла закрыть входную дверь. Шестивия на улице больше не было видно. Сердце все равно продолжало биться, как заведенное.

На кухне было тепло. Включив свет, я присела у печи. Записка, сложенная в несколько раз, казалось, попала ко мне в руки случайным образом и я не вправе читать ее. Любопытство не оставило выбора. На одной стороне слова были написаны простым карандашом, а на другой, одно, первое предложение – чернилами.

«Никто не верит мне, но я видел этого зверя. Одновременно это чудо и ужасный страх. Стоит ему только захотеть, и вся деревня в одночасье будет в огне. Если не поймем, что зверь живет среди нас, то поплатимся за это».

Текст был слабо понятен. У человека кому принадлежал текст, мысли явно опережали действия. Слова, написанные карандашом, еще больше вводили в ступор:

«Он не делает ничего плохого. У зверя есть семья и он хочет защитить ее. Он обладает всеми чувствами и разумом,

просто по воле судьбы имеет такое обличие. Записываю свои мысли и только так не схожу с ума. Мне нужно рассказать всем. Чтобы они не уничтожили зверя из-за жалкого страха».

На другой стороне одна фраза:

«Мне никто не поверил. Лучше будет исчезнуть из деревни навсегда».

Это напоминало бред сумасшедшего.

«О каком звере говорилось на этих страницах, почему записка была спрятана в подоконник, а не уничтожена?» – столько вопросов крутилось в голове и до боли знакомый почерк был в записке. Я достала документы из открытого чемодана в спальне. Там был паспорт отца. Пролистав все страницы, не нашла ничего, кроме подписи. В ней было не разобрать ни единой буквы. Я вспомнила про маленькое фото в обложке. На нем мы с мамой и отцом, а на обороте написано: «В день твоего первого рождения».

Я сравнила записки. Хвостик у буквы «д», и другие особенности казались сильно похожими. Автор записки был мой отец. Но про какого зверя он писал, когда был молод, и жил здесь, оставалось загадкой. И что мне было делать с этой загадкой посреди ночи...

За окном все утихло, словно толпа безумцев и странный ветер мне приснились. Ворота соседа были закрыты. Теплилась надежда на то, что НигаЙ нашел лошадей и вернул их домой. В ту ночь я заснула на кровати с запиской отца в ру-

ках.

«Огромная птица нарушила сон своим появлением, большой лапой взяла меня за ноги и унесла высоко к вершинам. Стало так холодно и страшно, ноги покрывались инеем на глазах. Там, вершины гор мерцали и слышались лишь крики других птиц. Лед стал отрываться от скал, и я падала вместе с ним».

В комнату кто-то вошел. Казалось, сон отступил.

– Я сделаю тебе перевязку, Лана, – голос доктора заставил меня встрепенуться. На нем не было привычного халата. Рубашка, расстёгнутая до низа, оголяла грудь.

– Как вы зашли в дом? – спросила я присев в кровати. Длинная сорочка закрывала ноги, тонкий материал просвечивался. Доктор не сводил глаз с моей груди. Он коснулся ноги и осмелев повел руку все выше, к коленям. Дыхание стало тяжелым. Я поняла, насколько меня влечет к нему.

Доктор тоже заметил это и больше не проверял меня. Смело задрал сорочку выше, он напирал и тянулся к губам. Я издавала произвольный вздох, когда рука его скользнула к груди. Пальцы тыльной стороной гладили набухшую часть. Отчего мне не хотелось отказываться. Губами доктор прокладывал дорожку из поцелуев от пупка книзу и еще ниже. На теле не было белья. Он коснулся поцелуем лона, и я громко ахнула, но тут же прикрыв рот рукой, вспомнила об Анне. Боясь, что нас могли услышать, я подумала и о Ниге.

В это мгновение сосед вошел в дверь. Страх и неловкость

сковали все тело. Доктор ехидно смотрел на него и улыбался, поглаживая меня там. Я хотела встать и объяснить все, чувствуя опасность своего положения. НигаЙ оказался рядом на кровати, и не дав сказать слова, поднес палец к моим губам.

«Ш-ш-ш, не говори ничего», – сказал он так протяжно, отчего я почувствовала новую волну желания. Доктор тем временем не отходил.

Исследуя большим пальцем губы, сосед резко вздернул мой подбородок и впился поцелуем. Я хотела было запротестовать, почувствовав, как пальцы доктора входят в меня, но не могла себе позволить отказаться от наслаждения.

Послышался громкий треск стекла. В окно влетела огромная светлая птица с длинной головой. На теле ее была блестящая чешуя, а глаза светились огнем. Существо напало на доктора, схватило его лапами и унесло прочь из дома. Из груди вышел произвольный крик от ужаса. НигаЙ закрыл мне рот рукой.

«Тише, девочка! Доктор сделал тебе приятно. Ему начертана дорога, – он кивнул в сторону окна. – Теперь моя очередь, – добавил он и разорвал тонкую ночнушку».

Я чувствовала облегчение оттого, что осталась наедине с Нигаем. Руки его блуждали по телу. Но вместо наслаждения, ощущала холод. Он проводил ладонью от икры до бедра и выше. На коже оставался ледяной след. Вспомнив свой сон, поняла – птица унесла доктора в горы. В страхе я отстранилась от холодного НигаЯ.

«Что, если он в сговоре с той птицей?»

Сон еще долго не отпускал мысли. Оглядываясь по сторонам, я искала обоих мужчин. Страх и замерзшие ноги сковывали движения. Окно в комнате осталось целым. Это был всего лишь кошмар. С трудом я нащупала шерстяной платок висевший на изголовье кровати и укуталась в колючее плетение. Так и не расстелив постели, легла на подушку и закрыла глаза. Захотелось вернуться в этот кошмар без зазрения совести.

В полдень бабушка шепотом сообщила, что завтрак уже стынет на столе. Открыть глаза было непросто. Я села в кровати, закрыв собой найденную записку, и улыбнулась Анне. Взбодриться с утра под холодной водой было необходимо.

В длинной белой ночнушке, которую подарила бабушка, я вышла на завтрак. Сделав несколько глотков горячего чая, заметила силуэт доктора на крыльце сквозь окно в стене перед самым столом. Александр вошел в дом быстро, как ни в чем не бывало. Машинально я прикрылась и встала со словами: «Я схожу за платком».

Бабушка остановила меня и вызвалась сама принести накидку. Старушка суежилась. Доктор надевал свою амуницию в прихожей.

Запахнув серый мягкий халат посильнее, я наблюдала за тем, как Александр копался в своем чемоданчике. Бабушка уже вышла на улицу, чтобы поговорить со старым соседом на мотоцикле. Тот поглаживал густые усы и рассказывал что-

то моей Анне, потом рукой махнул в сторону поля и расхохотался.

«Уж лучше, чем пугать бабушку странностями, происходящими прошлым вечером», – подумала я и заметила, что доктор уже разбинтовал ногу.

– Рана выглядит хуже. Ты что решила поучаствовать в марафоне с порезом на ноге? И бинт испачкан землей, – доктор напряженно указывал мне на коричневое пятно, на белой марле, которое смешалось с кровью. – Давай договоримся. Ты какое-то время не будешь выходить из дома, пока нога не заживет, – он настойчиво давал рекомендации. Но слушала ли я их в тот момент, когда голова была в мыслях, о соседе... почему он не пришел спросить про мое самочувствие? Мне хотелось верить, что с ним было все в порядке. – Нужно делать массажи и закладывать в рану мазь. Я смогу приходить по вечерам, – его руки скользили по ноге все выше и уже касались икры. Все повторялось будто во сне, но я была не готова к этому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.